

странстве на все 360 градусов, Да ещё она может служить танцевальным шестом. Я представила огромный ствол посередине комнаты. Но оставила эту идею. Почесав в затылке, открыла холодильник. Заплесневелые грибы - это всё же плеоназм.

Вдох. Чувствуется запах плесени, который заполняет, раздражает и сушит глотку.

Судя по тёмным пятнам, грибы разрослись давно. Они, как подтёки, расплывались по стене: можно было подумать - сочились прямо с потолка. Их бархатный вид был одновременно привлекательным и отталкивающим. Каждый день я видела, как они видоизменялись, и всё думала - хорошо бы изобразить их на бумаге. Но не находила для этого сил. Ещё хотела найти информацию, как разводить грибы, но только съедобные. Я знала о методике выращивания грибочки на соломе или кофейной гуще. Видела это в интернете-магазине, где продавали банки грибов *prêts à pousser*. Хотя всё это было в большей степени ликбезом, чем знанием культуры питания. Но меня это заинтриговало. Я посмотрела видеофильмов, где показывали процесс раскладывания грибочки на лесную подстилку. Раз уж на то пошло - можно извлечь пользу из окружающей тебя влажности. Чтобы вписать этот механизм в пространство, я сначала подумала о лепнине, потом - о коринфской колонне с листьями аканта. Но потом побоялась, что плесень стены может испортить грибочки и поставить под угрозу весь процесс. У колонны было огромное преимущество, ведь расти на ней грибы смогут в про-

Встретилась с нашей группой, специализирующейся на диких лекарственных растениях Парижа. Следующее собрание планировалось в Бельвиле. Идея присоединиться к группе посетила меня после прочтения книги *Dead Cities* Майка Дэвиса, особенно главы об истории мёртвых городов. До этого я и представить не могла, какой пищевой потенциал представляет собой городская флора. Но, учитывая состояние мира, мою паранойю и идеи о теории заговора, я решила действовать. На встречи группы я ходила более или менее регулярно. Мы исследовали город район за районом, что позволяло наблюдать взаимосвязь уровня жизни населения с архитектурой, парками и пустырями этих мест. В группе я встретила Боба, который питался исключительно рисом и дикими травами почти пятнадцать лет. Он собирал всё это в трещинах городского асфальта, садах и лесах. Приходил на встречи, обычно уже исследовав эти места.

У Боба была привычка - не то, чтобы говорить громко, но говорить вслух то, о чём другие думали про себя. Или даже, говорить о вещах, которые другие скрывали в глубине души. Это

был способ интерпретировать мысли других. Но я подозревала, что на самом деле он таким образом выражает свои. Он любил выражать протест и «изобличать». Очень любил это слово, но как учитель истории должен был хорошо понимать, что «изобличение» не всегда имело положительные последствия. Он неоднозначно относился к деньгам, и не доверял тем, кто много о них говорил. Для него единственным богатством были его идеи. Он часами мог говорить о необходимости довольствоваться минимальным доходом и положить конец трудоустройству. Но мне нравилось его слушать. В нём чувствовался сдержанный оптимизм и спокойный бунт. Он никогда не бывал груб, но внутреннее напряжение давало о себе знать. В нём было слишком много энергии. Возможно, расслабляться ему помогали травы.

Я надела пиджак и захлопнула дверь. Взглянула на окно соседки. Увидела комнату, где каждое утро она обычно делала селфи в трусиках на фоне стены с фотографиями. Меня больше всего удивляло то, что она, похоже, никогда не надевала одни и те же трусики - у неё была целая фетиш-коллекция. Тут я представила, что после селфи она отправляет трусики в Японию, чтобы немного подзаработать.

У меня была назначена встреча с Мартой. Мы договорились выпить кофе в воскресенье на рыночной площади, Площади Собрания. Мне нравилось сравнивать Марту с соседкой, хотя в глубине души особого сходства между ними я не находила. Она была человеком скорее скромным и довольно тяжёлым в общении. Частенько назначала встречи и не приходила, или наоборот. О её крайностях мне как-то рассказал наш общий друг. Но как я могла знать о встречах, которые она назначала, не предупредив меня? Иногда по воле случая мы оказывались на одной и той же

вечеринке, совершенно не подозревая об этом. Я винила себя - корила за нехватку внимания, чувствовала, что пропустила что-то важное. Она воспринимала это как игру. И я задавалась вопросом: был ли это розыгрыш или изображение жертвы. Какое-то время она развлекалась тем, что адаптировала своё поведение к внешним факторам. В последнее время оно менялось в соответствии с изменениями в банковском счёте. Я еще понимала, как может повлиять на ее поведение «взятие денег из банкомата» или «задолженность по счёту». Но гораздо труднее было с влиянием «спекуляции» или «колебаний обмененного курса».

Я хорошо знала этот район, или скорее мне хотелось в это верить. Но каждый раз, когда дело касалось деталей и названия улиц, не могла найти нужное место. На рыночной площади выбор был между баром «амиго» или «буржуа-богема», летним или зимним баром. В этот раз я решила насладиться

солнечными лучами и расположилась на террасе с шикарным видом. Маленькая площадь на фоне огромных строений в ремонтных работах. Одни этажи поднимались вверх во всю прыть, другие внезапно исчезали. Третьи застревали на неопределенный срок в состоянии транзита. Становилось всё более душно и жарко, даже тяжело дышать. Я давно привыкла к необходимости на встречах ждать, но одиночество постоянно смущало меня, и я попыталась найти ему оправдание, чтобы придать смысл. Кофе выпилось очень быстро. Попробовала читать книгу, взяла блокнот, телефон. Но делать ничего не хотелось. Ждала как сомнамбула. Ни за что не пила бы кофе одна, если бы не приходилось кого-то ждать. В итоге вся отдалась игре, потому что готова была ждать вечно. Настолько вечно, что когда до меня это дошло, прошло очень много времени.

Я присоединилась к нашей группе, когда все уже вернулись в контору. Каждый разложил на стол свои находки. Здесь были как обычно одуванчики, звездчатка, цикорий, кникус, щавель и т.д. Я вспомнила, что читала об этих растениях - по сути, это иноземные травы, для которых городские биотопы могут стать предвестниками будущих экосистем.

Некоторые участники группы снова насобирали суккулентов, хотя мы им постоянно повторяем, что они несъедобны. Ещё на столе оказались сапоги, которые Жанна нашла около мусорки, рекламные открытки Пабло, мёртвые, остро заточенные ветки каштана Себастьяна, книга, камни и кусок штукатурки. Я долго смотрела на все разложенные вещи и ходила вокруг да около этой витрины. И тут я увидела Марту, стоящую с опущенными руками и пустыми глазами. Казалось, она замерла. У неё был обычный - бледный, почти прозрачный - цвет лица, сигарета в одной руке, чашка кофе в другой. Все выглядело, как на картине: красочный стол на первом плане, отражение в окне и Марта.

Послышался закадровый голос Боба, который говорил о японской стрельбе из лука, его последней находке на пути к дзэн. Дыхание имеет огромное значение. Нужно смотреть далеко вперед, сделать шаг в сторону цели, ноги параллельны. Следует взглянуть на цель в последнюю очередь - ты знаешь, что она там, но смотреть на неё необязательно. Взгляд устремлен как можно дальше - поверх предметов, деревьев, стены соседа, все это совсем не важно. Дыхание.

Чем больше я смотрела, тем больше всё становилось абстракцией. В этот момент я попробовала найти некую общую связь. Каким образом всё взаимосвязанно? Никаким. Глупо искать связь между вещами, которой нет.

Выдох. У меня был пустой желудок - и я плохо понимала, как можно приготовить обед из находок дня.

ТИФЭН КАЛЬМЕТТ

**ПЕРЕВОД
МАША МАСКИНА
НАТАЛЬЯ МАСКИНА**

**В РАМКАХ ГРУППОВОЙ ВЫСТАВКИ
«БЕРЛИН-ВОСТОК» С УЧАСТИЕМ
ФАБЬЕН ОДЕУД, МАРИОН БОКЕТ-АППЕЛЬ,
ТИФЭН КАЛЬМЕТТ, ЖЕРОМ КАВАЛЬЕР,
МАТЬЁ КЛАНШАР, МИКАЭЛЬ ДЕБАТТИ,
ДАВИД ЭВРАР, ИБАИ ГЕРНАНДОРЕНА,
МАРИАННА МАРИК, АПОЛОНИЯ СОКОЛ**

**9 ИЮНЯ - 9 ИЮЛЯ 2016
СО СРЕДЫ ПО СУББОТУ 11-19**

**ГАЛЕРЕЯ АРНО ДЕШАН, 18 УЛИЦА ДЕ КАСКАД 75020 ПАРИЖ
ТЕЛЕФОН +33(0)6 75 67 20 96**